

Яков Иосифович Фарбер – с некоторых пор житель немецкого Ганновера – хорошо знаком нашим читателям. Он известный организатор здравоохранения, хирург, писатель, журналист и краевед. Основатель музея истории медицины в Тамбове, долгие годы руководил крупной больницей, городским здравоохранением, собирал в непростое время материалы об архиепископе Луке (В.Ф.Войно-Ясенецкий), много сделал для увековечения имени этого выдающегося хирурга и человека. Автор нескольких книг, член Союза журналистов России, заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук, почетный гражданин города Тамбова.

Сегодня, после некоторого перерыва мы публикуем очередной автобиографический очерк автора. Первые четыре – «Что такое конъюнктура» («МГ» № 60 от 10.08.2011), «По дороге в Бычок» («МГ» № 75 от 30.09.2011), «Первые дни сельского хирурга» («МГ» № 88 от 16.11.2011) и «Признание в любви» («МГ» № 98 от 21.12.2011) были связаны с пресловутым «делом врачей» и медицинской практикой в 50-е годы прошлого века. Именно за эту серию Якову Фарберу была вручена премия победителя Литературного конкурса им. М.А.Булгакова «МГ» за 2011 г.

Алёшка из Большого Избердея

Вдоль стен предоперационной сельской больницы в Бычке стояли полупустые стеклянные шкафы, предназначенные для хирургических инструментов. Число их было ограничено, что осложняло проведение операций. Единственным предметом, украшавшим предоперационную, была огромная фарфоровая раковина, усеянная крупными розами. Говорили, будто владелец больницы доктор И.И.Рахманинов при ее открытии всё оборудование, и в том числе инструментарий, выписал из Парижа, но уцелела только раковина с розами. Куда исчезли инструменты, сказать трудно, ведь до меня в этой больнице хирурги сменяли друг друга через каждые два-три года.

Однажды я особенно остро ощутил потребность в нужном мне инструменте. Случилось это через месяц после моего приезда в Бычок. Где-то часа в четыре фельдшер из села Большой Избердей нашего Шехманского района привез мальчишку 5 лет. Он был без сознания, с забинтованной головой. Я взял его на руки и отнес в перевязочную. Когда снял повязку, моим глазам предстала жуткая картина. Вся правая половина маленького ребячьего лобика была в крови, а через скальпированную рану я разглядел кость черепа, которая была вдавлена внутрь, по краю вдавления выступало вещество мозга. Когда я поднял веки мальчика, чтобы посмотреть зрачки, правого глаза я не увидел, он был опущен за верхнюю челюсть. После такого не очень детального осмотра стало ясно, что здесь имеет место тяжелая черепно-мозговая травма, и что мальчишка находится на грани. Анамнез собирать не было времени, но всё же в двух словах мне фельдшер рассказал: «Есть такая дурацкая привычка у деревенских мальчишек – с визгом и криком бежать за каждой проезжающей по селу автомашиной. Вот и Алёшка бежал за грузовой машиной с прицепом, которая везла тонкие длинные деревца-хлысты, сильно выступающие за край прицепа. На повороте дороги один такой хлыст ударил бегущего рядом мальчишку, и он тут же упал без сознания, а шофер даже не заметил происшедшее и спокойно продолжал движение. Лежащего на земле ребенка увидел местный фельдшерский пункт».

По правде сказать, я сначала трусил, так как с черепными травмами я больных никогда не видел. Решил позвонить главному нейрохирургу облздравотдела Анастасии Филипповне Тельновой, опытнейшему специалисту, проработавшему всю войну в специализированном нейрохирургическом госпитале. После моего подробного изложения истории болезни и детального описания клинической картины,

Далекое – близкое

В тамбовской глуши

Смекалка позволяла сельскому хирургу обходиться без нужных инструментов

мне был задан вопрос: какова цель моего телефонного звонка? Я ответил с полной откровенностью, что работаю всего один месяц и встречаюсь с подобной черепно-мозговой травмой впервые, поэтому прошу оказать мне помощь на месте. И услышал такой ответ: «Судя по описанию, травма у ребенка несовместима с жизнью, поэтому не вижу смысла выезжать». Спрашиваю: «Что же мне делать? Можно ли мне самому его оперировать?» «Дерзайте и держите со мной связь».

Получив формальное согласие на проведение операции, я дал команду немедленно готовить операционную, а сам сел изучать «Курс оперативной хирургии» В.Н.Шевкуненко. Совершенно очевидно, что надо делать трепанацию черепа, а для этого необходимо поднять вдавленную пластину лобной кости. Но как это сделать? Для этого необходимо специальной дрелью просверлить в кости 2-3 отверстия и специальным крючком ее поднять. Только так можно проникнуть в черепную коробку и произвести необходимую обработку раны. Конечно, ни дрели, ни крючка в арсенале операционной не оказалось. Санитарка Ариша побежала в гараж, и через пять минут наш шофер Александр Николаевич притащил дрель. «Доктор, у меня не дрель, а зверь, што хошь просверлит». Я взглянул на этого «зверя», и чуть было не упал. Мало того, что она была полуметровой длины – да еще вся в мазуте. Расспрашивая, почему она в смазке, я не стал, а искать другую уже не было времени. Единственное, что попросил, чтобы срочно отмыли дрель в бензине. Всё было сделано, и когда ее принесли, отмытую и блестящую, я ее сразу, «с перво-

го взгляда» полюбил. Прокипятили только сверла, патрон и рукоятку, саму же дрель завернули в стерильную простыню. Чтобы не уронить этот «сверлильный агрегат», на операции я держал его сам, а медсестра Таисия Ивановна крутила рукоятку. Таким манером было просверлено два отверстия, в которые я вставил две «козьи ножки», взятые у стоматолога. Мы-таки подняли костную пластину, и нам открылась совсем безрадостная картина. В твердую мозговую оболочку, как штыки, вонзились костные осколки, которые я скрупулезно извлек, а отверстия аккуратно

ластную больницу к областному нейрохирургу, но по неведомым мне причинам родители не везли ребенка в Тамбов. Я узнал у фельдшера из Большого Избердея, что Алёшка живой, здоровый и играет со своими сверстниками. Через 4 месяца после этих событий я уехал в Тамбов на полугодовую стажировку, а еще через год был переведен на работу в другой район и о дальнейшей судьбе моего подопечного Алёши Севидова ничего не знал. Конечно, это моя непростительная ошибка. Каюсь, но, заработавшись на новом месте, я постепенно забывал про

Обиделся я на него за его непочтительность? Ничуть. Напротив, меня охватило такое чувство радости, какое бывает при встрече самого близкого человека. Комок сдвинулся горло, когда я вспомнил, как этого мальчонку, практически без пульса и артериального давления, нес на руках и укладывал на операционный стол.

Дом с привидениями

У моей добрейшей мамы терпения хватило на полтора месяца. Пребывать в неведении о том, как поживает ее сосланный в тамбовскую глушь любимый сын, она уже не могла и в один прекрасный день попутным транспортом добралась до Бычка. Ее подвез из Шехмани председателем местного колхоза Алексей Васильевич Пичугин. С тех пор мы подружились, и он, каждый раз возвращаясь из райцентра, непременно заезжал ко мне.

Маме моя роскошная квартира (в ней когда-то жил владелец именина – три огромные комнаты, следующие чередой одна за другой) сразу не понравилась. Она всё время спрашивала: «Зачем тебе такие хоромы»? Я, естественно, предоставил маме свою комнату с кроватью и столом, а сам разместился на раскладушке в другой комнате. А тут еще случился невероятный случай. В одну из ночей она меня разбудила и испуганным голосом говорит:

– Сынок, кто-то ходит по квартире, я слышу его шаги.

Я ей говорю:

– Мама, тебе, это, наверное, показалось, я вот живу здесь почти два месяца, и никогда ничего не слышал.

– Нет, нет, перенеси раскладушку в мою комнату. Я боюсь.

Конечно, ее пожелание я исполнил, и мы вместе стали прислушиваться ко всяким шорохам и звукам. И вдруг слышим совершенно явственно: трык-трык... Эти звуки раздавались где-то рядом, потом они слышались в некотором отдалении, и действительно складывалось впечатление, что кто-то переходит из нашей комнаты в другую.

Я встал, зажег лампу, но и при ее свете «трыканье» продолжалось. Объяснить это явление я не мог. Всю оставшуюся часть ночи мы, конечно, не спали, а утром мама сама пошла к главному врачу и решительно потребовала, чтобы меня немедленно переселили из «загадочной» квартиры. В этот же день я, не без сожаленья, расстался с «барской квартирой» и поселился в полуподвале в маленькой комнатке, посреди которой стояла печь с плитой и труба шла через всю комнату в маленькое оконце. Только после этого мама успокоилась и отбыла в родимый Тамбов. Меня очень заинтересовало это загадочное явление – «ночная ходьба» по квартире. Я расспрашивал многих людей об этом, но никто не мог разгадать эту загадку. И только один Михальч, всё знающий, умнейший человек, о котором я еще расскажу, разъяснил происхождение этих звуков. Прежде всего, он задал вопрос: когда в этих комнатах в последний раз мыли полы? Он вполне убедительно доказал мне, что в моей прежней квартире, на фоне ночной тишины, мы слышали звуки рассыхающейся древесины. Вот и всё! Так просто...

– Вы работали в селе Бычок в 1952 г.?

– Да, я там работал.

– Значит, это вы меня оперировали? Что ж вы мне пластинку не поставили? Я хотел после окончания школы поступить в военное училище, но мне в военкомате сказали, что меня туда не примут из-за этой штуки.

И тут он пальцем показал на свой лоб. Я вышел из-за стола и сел рядом с ним, обнял его и сказал:

– Дорогой мой человек, когда я тебя оперировал в 1952 г., мы не о пластинке думали, а о твоей жизни. Поставили бы мы тебе пластинку или нет, после такой обширной травмы черепа в военное училище тебя всё равно не примут. Так что ты готовь себя к мирной профессии. Вот сейчас, в спокойной обстановке, можно решать вопрос о костной пластике. Если решишься на эту операцию, приходи, я тебе помогу.

Он встал, надел фуражку и, не сказав ни слова, ушел. Ни тебе спасибо, ни до свидания.

свои шехманские дела.

И всё же, спустя много лет, мне выпала радость вновь встретиться с Алёшей. Случилось это в 1965 г. Я тогда работал в Тамбове заведующим городским отделом здравоохранения. В один прекрасный летний день готовился к заслушиванию на коллегии облздравотдела и попросил пару часов ко мне никого не пускать, но, тем не менее, в кабинет зашла секретарша и говорит:

– В приемной сидит молодой человек, который очень хочет вас видеть. Я его спросила, по какому вопросу? Говорит – по личному. Примите его? Хотя день не приемный и у вас работы много, но, видимо, он хочет сказать что-то важное.

– Ну, раз вы говорите важное, дайте его сюда.

В кабинет вошел молодой человек, одетый по-летнему, но в темной фуражке. Я предложил ему присесть и рассказать, какой-то такой личный у него вопрос ко мне. Он присел, снял фуражку, и я увидел в правой половине лба углубление размером с пятикопеечную монету. Дно этого углубления ритмично пульсировало. Последовала серия вопросов, на которые я отвечал, но меня всё сильнее одолевало волнение, и в голове мелькнула догадка, что передо мной мой бывший маленький пациент Алёшка, которого, без ложной скромности могу сказать, мне удалось спасти. А диалог был таков:

– Вы работали в селе Бычок в 1952 г.?

– Да, я там работал.

– Значит, это вы меня оперировали? Что ж вы мне пластинку не поставили? Я хотел после окончания школы поступить в военное училище, но мне в военкомате сказали, что меня туда не примут из-за этой штуки.

И тут он пальцем показал на свой лоб. Я вышел из-за стола и сел рядом с ним, обнял его и сказал:

– Дорогой мой человек, когда я тебя оперировал в 1952 г., мы не о пластинке думали, а о твоей жизни. Поставили бы мы тебе пластинку или нет, после такой обширной травмы черепа в военное училище тебя всё равно не примут. Так что ты готовь себя к мирной профессии. Вот сейчас, в спокойной обстановке, можно решать вопрос о костной пластике. Если решишься на эту операцию, приходи, я тебе помогу.

Он встал, надел фуражку и, не сказав ни слова, ушел. Ни тебе спасибо, ни до свидания.

НА СНИМКЕ: группа медицинских работников Шехманского района – в центре заведующая райздравотделом М.Гололобова, крайняя слева врач-стоматолог Л.Горбунова.